

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Синтаксис самодийских языков изучен еще очень слабо. М. А. Кастрен не успел обобщить имевшиеся у него синтаксические наблюдения по ненецкому и селькупскому языкам. В грамматике селькупского языка Г. Н. Прокофьева после весьма обстоятельного описания морфологии на 19 страницах даются лишь некоторые сведения по синтаксису.¹ Только по ненецкому языку имеются разработки отдельных синтаксических проблем, произведенные главным образом в послевоенные годы. Ни по энецкому, ни по нганасанскому языкам никаких синтаксических исследований не проводилось. Лишь в немногочисленных статьях обобщаются синтаксические выводы по самодийской языковой семье в целом.² В работах по синтаксису уральских языков привлекаются и материалы самодийских языков, в первую очередь ненецкого.³

Настоящая статья имеет своей целью восполнить в какой-то мере существующий пробел по одному из разделов этой части грамматики самодийских языков — показать употребление в них категории именного сказуемого.

Именное сказуемое во всех самодийских языках может быть простым и составным. Простое сказуемое состоит из одной именной формы, составное — из сочетания именной формы с той или иной глагольной формой. Оба типа сказуемого в отдельных самодийских языках различаются по широте употребления.

Простое именное сказуемое

В ненецком языке простое именное сказуемое может быть выражено всеми именными частями речи: существительным, прилагательным, числительным (как количественным, так и порядковым), местоимением. При этом в роли сказуемого имена, относящиеся к любой части речи

¹ Г. Н. Прокофьев, *Селькупская (остяко-самоедская) грамматика*, Ленинград 1935, стр. 81—100.

² Н. М. Терещенко, *О выражении посессивных отношений в самодийских языках*. — *Вопросы финно-угорского языкознания*, Москва—Ленинград 1962; *ее же*, *К развитию атрибутивных отношений в самодийских языках*. — *Вопросы финно-угорского языкознания*, вып. IV, Ижевск 1967; *ее же*, *Выражение субъектно-объектных отношений в структуре предложения*. — *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов*, Ленинград 1967; I. N.-Sebestyén, *Attributive Konstruktionen im Samojedischen*. — *ALHung*. IX 1959.

³ I. N.-Sebestyén, *Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs*. — *ALHung*. VII 1957—1958; B. Wickman, *The Form of the Object in the Uralic Languages*, Uppsala 1955.

(если только это допускается смыслом), изменяются по лицам, числам, временам (неопределенному и прошедшему), включая тем самым в свою форму выражение действующего лица.

В энецком языке так же, как в ненецком, простое именное сказуемое может быть обозначено всеми именными частями речи, присоединяя личные форманты как неопределенного, так и прошедшего времени. Исключения составляют местоимения, которые в прошедшем времени выступают обычно в сочетании с глаголом *eš* 'быть'.

Именные части речи нганасанского языка в роли сказуемого изменяются по лицам и числам, но в отличие от ненецкого и энецкого языков не изменяются по временам. Предикативное употребление имен в нганасанском языке наблюдается лишь в неопределенном времени.

В противоположность другим самодийским языкам простое именное сказуемое селькупского языка может быть выражено личными формами только имени существительного и лишь в неопределенном времени. При этом предикативная форма 3-го лица множественного числа обычно заменяется формой именительного падежа того же числа.

Сказуемое, выраженное именем существительным. В качестве примеров употребления такого сказуемого в ненецком языке могут быть приведены следующие: *pydar ŋod* 'ты тоже уже мужчина'; *ta* 'malŋäna hasaβanaš 'в то время ты был женщиной'; *mañ βaβlo βesako* 'ŋarka ŋudm 'я старший сын старика Вавлэ; *ñeb'ahajun, ñisahajun ŋudi* 'taryč. mañ hasaβaŋe ñišaŋi ŋudamž. darja, anna ñeb'andi 'ñe ŋuhunž 'мои родители (досл.: мать-моя, отец-мой) разделяли своих детей. Я, мужчина, был сыном своего отца. Дарья и Анна были дочерьми своей матери'; *teda* 'maña 'ŋod 'tuñisaβeβa 'теперь мы тоже с ружьями'.

По лицам и числам в роли именного сказуемого изменяются не только имена нарицательные, но и имена собственные; напр.: *mañ ñekodm* 'я Неко', *pydar ñekon* 'ты Неко', *pyda ñeko* 'она Неко', *mañi ñekoñi* 'мы-двое Неко', *pydañi ñekodñi* 'вы-двое Неко', *pydñi ñekoho* 'они-двое Неко' и т. д.

Эта особенность распространяется и на собственные имена, заимствованные из русского языка; напр.: *mañ lenadm* 'я Лена', *pydar lenan* 'ты Лена', *pyda lena* 'она Лена', *mañi lenañi* 'мы-двое Лены', *pydañi lenadi* 'вы-двое Лены', *pydñi lenaha* 'они-двое Лены' и т. д. В связи с особенностью значения собственных имен изменение их в прошедшем времени возможно лишь в очень ограниченном числе случаев.

В основном то же положение наблюдается в энецком языке: *mod mole ēd* 'я уже мать'; *tikiñon mod mole ēdod* 'тогда я уже была матерью'; *ūda* 'esera 'вы отцы'; *ūda* 'añ 'eserañ 'вы тоже были отцами'; *kulyk* 'buse, *minse* 'mab'i: *modina* 'pujina 'tukina, *kodina* 'koruna 'старик и старухи-вороны сказали: «У нас носы — топоры, когти — ножи»'.

Образец полной парадигмы изменения имени существительного *ese* 'отец': неопределенное время — *mod esed* 'я отец', *ū esed* 'ты отец', *bu ese* 'он отец', *modiñ* 'esej 'мы-двое отцы', *ūdi* 'eseñi 'вы-двое отцы', *budi* 'esehi 'они-двое отцы', *modina* 'ese 'мы-многие отцы', *ūda* 'esera 'вы-многие отцы'; *budu* 'ese 'они-многие отцы'; прошедшее время — *mod esedod* 'я был отцом', *ū esedoš* 'ты был отцом', *bu eseš* 'он был отцом', *modiñ* 'eseb'id 'мы-двое были отцами', *ūdi* 'eseñid 'вы-двое были

отцами', *budi' esehid* 'они-двое были отцами', *modina' esebat* 'мы-многие были отцами', *ūda' eserat* 'вы-многие были отцами', *budu' eset* 'они-многие были отцами'.

Возможен и иной способ образования именного сказуемого в прошедшем времени — при помощи вспомогательного глагола *eš* 'быть'. В этом случае перед нами формы уже не простого, а составного именного сказуемого.

В нганасанском языке у существительных, имеющих две основы, в роли сказуемого одни личные показатели присоединяются к первой основе, другие — ко второй, напр., *desy* 'отец': *mənə dedim* 'я отец', *tənə dedin* 'ты отец', *syty desy* 'он отец', *mi desymi* 'мы-двое отцы', *tj desyri* 'вы-двое отцы', *syti desygaj* 'они-двое отцы', *myŋ desymy* 'мы-многие отцы', *tyŋ desyry* 'вы-многие отцы', *sytyŋ dedi* 'они-многие отцы'. Ср. также: *syty nənə* 'sa' 'он человек', *sytyŋ nənə* 'sanə 'они-многие люди'.

Имена собственные в роли сказуемого изменяются по лицам так же, как и нарицательные, напр., *lire* — мужское имя собственное: *mənə lirem* 'я Лире', *tənə lireŋ* 'ты Лире', *syty lire* 'он Лире', *mi liremi* 'мы-двое Лире', *tj lireri* 'вы-двое Лире', *syti liregaj* 'они-двое Лире' и т. д. *čunančar* — название одного из нганасанских родов: *mənə čunančarəm* 'я Чунанчар', *tənə čunančarəŋ* 'ты Чунанчар', *syty čunančarə* 'он Чунанчар', *mi čunančarəmi* 'мы-двое Чунанчары', *tj čunančarəri* 'вы-двое Чунанчары', *syti čunančarəgaj* 'они-двое Чунанчары' и т. д.

Примеры употребления предикативных форм имен в селькупском языке: *mat bərk kutyl' penykan* 'я — большекрылый комар'; *tan myta roqyt korantil' qumanty, kurapaškanty* 'ты — вне дома едущий человек, ты — Куропатка'.

Полная парадигма именного склонения — *nætək* 'девочка; девушка'. *mat nætəŋəŋ* 'я девочка', *tat nætəŋəntu* 'ты девочка', *təp nætək* 'она девочка', *mē nætəŋymyj* 'мы-двое девочки', *tē nætəŋulyj* 'вы-двое девочки', *təpəqu nætəqqu* 'они-двое девочки', *mē nætəŋymyt* 'мы-многие девочки', *tē nætəŋulyt* 'вы-многие девочки', *təpyt nætət* (вместо *nætəŋytyt*) 'они-многие девочки'.

В 3-м лице единственного, двойственного и множественного числа именное сказуемое в селькупском языке (как и в других самодийских языках) оформляется числовыми показателями.

Сказуемое, выраженное именем прилагательным. В ненецком, энецком и нганасанском языках оно изменяется так же, как и сказуемое, выраженное именем существительным. Например, в ненецком: *maŋ feda' male ŋarkadm'*, *harⁿ feŋəbadm'* 'я теперь уже большой, сам знаю'; *pydar tamna ŋudan* 'ты еще мал'; *tiky firta ŋanuⁿ heŋhana tamna ŋoroj firta ŋano ŋamdyš, ŋahatata ŋudarkaš* 'около тех самолетов стоял (досл.: сидел) еще один, был он поменьше других'.

Пример из энецкого языка — *ibljaju* 'маленький': неопределенное время: *mod' ibljajuđ* 'я маленький', *ū ibljajuđ* 'ты маленький', *bu ibljaju* 'он маленький', *modin' ibljajuđ* 'мы-двое маленькие', *ūdi' ibljajuđi* 'вы-двое маленькие', *budi' ibljajuhi* 'они-двое маленькие', *modina' ibljajubaⁿ* 'мы-многие маленькие', *ūda' ibljajuraⁿ* 'вы-многие маленькие', *budu' ibljajuⁿ* 'они-многие маленькие'; прошедшее время: *mod' ibljajuđod* 'я был маленьким', *ū ibljajuđoš* 'ты был маленьким', *bu ibljajuš* 'он был маленьким', *modin' ibljajub'id* 'мы-двое были маленькими', *ūdi' ibljaju-*

řid 'вы-двое были маленькими', *budi* *iblaĵuhid* 'они-двое были маленькими', *modina* *iblaĵubat* 'мы-многие были маленькими', *ūda* *iblaĵurat* 'вы-многие были маленькими', *буду* *iblaĵut* 'они-многие были маленькими'.

Нганасанский пример — *ĥagə* 'хороший': *mənə ĥagəm* 'я хороший', *tənə ĥagəŋ* 'ты хороший', *syty ĥagə* 'он хороший', *mī ĥagəmi* 'мы-двое хорошие', *tj ĥagəri* 'вы-двое хорошие', *syti ĥagəgəj* 'они-двое хорошие', *myŋ ĥagəmy* 'мы-многие хорошие', *tyŋ ĥagəry* 'вы-многие хорошие', *sytyŋ ĥagə* 'они-многие хорошие'.

Сказуемое, выраженное числительными и другими словами количественного значения. Отличия в изменении количественных числительных в роли сказуемого по сравнению с изменением существительных в той же синтаксической функции связаны с особенностью их лексического значения: количественные числительные более ограниченно изменяются по числам. Так, числительное «один» может иметь формы всех лиц только в единственном числе, числительное «два» — формы всех лиц только в двойственном числе, остальные количественные числительные, а также такие слова количественного значения, как «много», «мало», — формы всех лиц только во множественном числе, напр., в ненецком: *pydo* *hasajuto*, *pydar* *ŋaŋi* *ŋopořin* 'их девять, а ты только один'; *teheřado* *tedo* *luca ju* *jonar* 'олений-то у них десять тысяч'; *puhucanda* *ĥa* *jan* *řidamboho* 'двое их всего со старухой'; *řesako tařem* *ma*: *maŋ* *ŋopořidm*. *ĥaħar* *jur* *temda* *ħarta* *tanajda* 'старик сказал: «Я один. Триста оленей ваших сами пригоните»'; *ta* *maŋgəna maħa* *ju* *mać* 'в то время нас было десятеро'.

В основном то же положение отмечается в энецком и нганасанском языках, напр., в нганасанском:

tənə əmyŋ ŋu 'одəŋ? *yuy*', *mənə ŋu* 'одət 'ты здесь один? Да, я один'; *sytyŋ b'i* 'tŋ, *tyŋ tetəryary* 'их десять, а вас только четверо'; *mənə ŋuola* *ŋagəmtum* 'я уже третий'.

Сказуемое, выраженное местоимением. В ненецком языке в роли сказуемого употребляются все разряды местоимений.

Вопросительные местоимения: *maħa* *tərařyna* *hib'a*? 'кто наши депутаты?'; *pydara* *ŋaŋi* *hib'ada*? 'а вы кто?'; *tukud* *ŋamge*? 'что это (досл.: эти-твой что)?'

В соответствии со своим лексическим значением личные и лично-определятельные местоимения в роли сказуемого не присоединяют личных показателей, поскольку значение лица заключено в их основе. Изменяются они только по временам; напр.: *hib'a taħana me?* *tuku maŋ* 'кто там? Это — я'; *maŋ madamž*: *ħurkaħařa* *jeħerana* *hib'aři* *to*?, *tuku* *ŋaŋi* *pydara* 'я думал: «Пришли какие-то незнакомые люди, а это — вы»; *səřařna teħeřa*: *tiky pydarař* 'хорошо помним: это был ты'; *tiky ředalorć tořy* *ĥeneća* *ħartać* 'те приехавшие на легковых нартах были вы сами'.

Приведем полную парадигму изменения личных и лично-определятельных местоимений в роли именного сказуемого.

Личные местоимения: *tiky maħař* 'это был я (досл.: я-был)', *tiky pydarař* 'это был ты (досл.: ты-был)', *tiky pydař* 'это был он (досл.: он-был)', *tiky maŋinž* 'это были мы (досл.: мы-двое-были)', *tiky pydařinž* 'это были вы (досл.: вы-двое-были)', *tiky pydinž* 'это были они

(досл.: они-двое-были)', *tiky mañac* 'это были мы (досл.: мы-многие-были)', *tiky pydarač* 'это были вы (досл.: вы-многие-были)', *tiky pydonž* 'это были они (досл.: они-многие-были)'.

Лично-определятельные местоимения: *tiky häř"naš* 'это был я сам (досл.: сам-я-был)', *tiky häřtäš* 'это был ты сам (досл.: сам-ты-был)', *tiky häřtäš* 'это был он сам (досл.: сам-он-был)', *tiky häř"ñinž* 'это были мы сами (досл.: сами-мы-двое-были)' и т. д.

В энецком языке в отличие от ненецкого вопросительные местоимения в роли сказуемого имеют личные формы только неопределенного времени: *mođ sedʔ* 'кто я?', *ū sedʔ* 'кто ты?', *bu seaʔ* 'кто он?', *mođiñ seb'iʔ* 'кто мы-двое?', *ūđi seřiʔ* 'кто вы-двое?', *budi sehiʔ* 'кто они-двое?', *modina" seba"ʔ* 'кто мы-многие?', *ūda" sera"ʔ* 'кто вы-многие?' *budu sea"ʔ* 'кто они-многие?'. Формы прошедшего времени образуются при помощи вспомогательного глагола *eš* 'быть'.

То же положение наблюдается в нганасанском языке. Как и другие именные части речи, местоимения в роли сказуемого имеют формы только неопределенного времени: *mənə sylymʔ* 'кто я?', *tənə sylyŋʔ* 'кто ты?', *syty sylyʔ* 'кто он?', *mi sylymiʔ* 'кто мы-двое?', *tī sylyriʔ* 'кто вы-двое?', *syti sylygəjʔ* 'кто они-двое?', *myŋ sylymy"ʔ* 'кто мы-многие?', *tyŋ sylyry"ʔ* 'кто вы-многие?', *sytyŋ syly"ʔ* 'кто они-многие?'

Возможен и несколько иной вариант сказуемых форм вопросительных местоимений с вопросительным суффиксом *-ŋi*: *mənə maŋi-nəmʔ* 'что я такое?', *tənə maŋi-nəŋʔ* 'что ты такое?', *syty maŋi-nəʔ* 'что он такое?', *mi maŋi-nəmiʔ* 'что мы-двое такое?' и т. д.

Употребление личных и лично-определятельных местоимений в роли сказуемого в нганасанском языке может быть показано на следующих примерах: *syly tuŋŋʔ tətī mənə* 'кто пришел? Это я'; *tətī tyŋ* 'это вы'; *tətī sytyŋ ŋonəntuŋ* 'это они-сами'.

Сказуемое, выраженное причастием. В ненецком языке именное сказуемое может быть выражено всеми формами причастия. Именной характер такого сказуемого наблюдается в тех случаях, когда причастная форма утрачивает связь с глаголом и употребляется в предметном или качественном значениях; напр.: *ñuđako ñuda tamna βəβa lamb'itana* 'его младший сын еще плохой лыжник'; *ñišəβa" səβa hañenaš* 'наш отец был хорошим охотником'; *jo"my ty' hobaŋi padβyš* 'потерянная мною оленья шкура была пестрой'.

В энецком языке субстантивируются обычно только причастия с суффиксом *-da*. В роли сказуемого они встречаются преимущественно в неопределенном времени; напр.: *bu őfik lob'itada* 'он плохой лыжник'; *kašina" sojda kađada"* 'наши мужья хорошие охотники'.

Так же, как в энецком, в нганасанском языке субстантивация наблюдается только в отношении формы причастия на *-to*, *-tuo*, *-čə*, *-čuo*. При этом сказуемое, выраженное причастием, возможно лишь в неопределенном времени, напр.: *desymə ñagə kətuniŋuŋičuo* 'мой отец хороший пастух'; *sytyŋ ñagə" kolyđyta"* 'они хорошие рыбаки'; *mənə tačiguŋičuoŋ* 'я оленевод'.

В отличие от ненецкого и энецкого языков простое неглагольное сказуемое в нганасанском языке может быть образовано и от наречий, напр.: *tənə kuñiŋuŋʔ* 'где ты?', *syty kuñiŋuŋʔ* 'где он?', *tyŋ kuñiŋuru"ʔ* 'вы

Составное именное сказуемое в энецком языке образуется также при помощи сочетания назначительно-превратительной формы имени с глаголом *kañiŋ*, получающим при таком употреблении значение 'стать'. Примеры: *tu iblajgu.uŋ kañi* 'огонь маленьким стал'; *ne ečehi kadadī mekon kudaha dīrehi, agga ne.eŋ kañihi* 'долго жили девочки в чуме своей бабушки, стали взрослыми (досл.: большими женщинами стали)'.

В нганасанском языке в отличие от ненецкого и энецкого не только будущее, но и прошедшее время именного сказуемого образуется сочетанием имени в личной форме неопределенного времени с глаголом *isa* 'быть' в той же личной форме соответствующего времени.

Например, прошедшее время: *mənə dedim isüom* 'я был отцом', *tənə dedin isüon* 'ты был отцом', *syty desy isüo* 'он был отцом' и т. д. *mənə ħagəm isüom* 'я был хорошим', *tənə ħagəŋ isüon* 'ты был хорошим', *syty ħagə isüo* 'он был хорошим' и т. д. *mənə ŋu'ojm isüom* 'я был один', *tənə ŋu'ojn isüon* 'ты был один', *syty ŋu'oŋ isüo* 'он был один' и т. д. Будущее время: *mənə dedim isüodəm* 'я буду отцом', *tənə dedin isüodəŋ* 'ты будешь отцом', *syty desy isüodə* 'он будет отцом' и т. д. *mənə ħagəm isüodəm* 'я буду хорошим', *tənə ħagəŋ isüodəŋ* 'ты будешь хорошим', *syty ħagə isüodə* 'он будет хорошим' и т. д. *mənə ŋu'ojm isüodəm* 'я буду один', *tənə ŋu'ojn isüodəŋ* 'ты будешь один', *syty ŋu'oŋ isüodə* 'он будет один' и т. д.

Из сказанного можно заключить, что в отношении образования именного сказуемого нганасанский язык представляет собой как бы переходную ступень от ненецкого и энецкого к селькупскому, в котором употребление личных форм именного сказуемого еще более ограничено.

Помимо рассмотренных, в нганасанском языке имеются формы неглагольного сказуемого, образуемые сочетанием личных форм глагола «быть» с тем или иным наречием, напр., *əmny* 'здесь': *mənə əmny ičum* 'я здесь', *tənə əmny ičun* 'ты здесь', *syty əmny iču* 'он здесь' и т. д.; *tamni* 'там': *mənə tamni ičum* 'я там', *tənə tamni ičun* 'ты там', *syty tamni iču* 'он там' и т. д. Такие же сочетания возможны и с существительным в форме местно-творительного падежа: *matənunə ičum* 'я дома', *matənunə ičun* 'ты дома', *matənuntu iču* 'он дома' и т. д.

В этих конструкциях глагол *isa* изменяется по временам и наклонениям, образуя обычную парадигму глагольного словоизменения: *matənunə isüom* 'я был дома', *matənunə isüodəm* 'я буду дома', *matənuntə ŋo* 'будь дома', *matənuntə iŋugun?* 'ты дома?', *matənuntə iχun?* 'ты был дома?', *matənuntə iχütə* 'если ты будешь дома'.

Составное именное сказуемое в нганасанском языке может слагаться из имени в основной форме + неопределенно-деепричастная форма глагола *isa* 'быть' + спрягаемая форма глагола *konyđi* 'пойти, уйти', употребляемого в этом случае в значении 'стать', напр.: *dīrčaku ta isa kona*'a 'теленочек стал оленем'; *ny nūo ərəkəre kopto isa kona*'a 'девочка стала красивой девушкой'.

Таким образом в нганасанском языке различаются следующие типы именного сказуемого:

- 1) сказуемое, выраженное личной именной формой;
- 2) сказуемое, выраженное сочетанием личной именной формы с личной формой глагола *isa*;
- 3) сказуемое, выраженное сочетанием наречия или имени в форме местно-творительного падежа с личной формой глагола *isa*;

4) сказуемое, состоящее из имени в основной форме, неопределенно-деепричастной формы глагола *iša* и спрягаемой формы глагола *konydi*.

Предикативные формы существительных в селькупском языке сочетаются с личными формами вспомогательного глагола *ēqo* 'быть' во всех случаях, когда требуется выразить значение прошедшего и будущего времени, того или другого наклонения, той или иной формы видовой направленности: *tat taræ ēptæqæk orsymyl' qumak ēsak* 'когда я был таким, как ты, сильным человеком я был'; *na čunty qoštul' čunty ēnnynty* 'этот конь плохой конь будет'. Существительные, сочетающиеся с личной формой глагола *ēqo*, обычно оформляются соответствующими предикативными суффиксами.

Непроизводные прилагательные, числительные, местоимения, выступая в роли сказуемого, во всех случаях сочетаются с личными формами вспомогательных глаголов *ēqo* 'быть', *əsyqo* 'стать' и фонетически сливаются с ними: *tat bərqēnanty* 'ты большой (досл.: ты большой-есть)'; *ātæty koččasa* 'олений у него стало много (досл.: олень-его многочислен-стал)'; *tat kutēnanty?* 'ты кто (досл.: ты кто-есть)?'

То же явление наблюдается иногда и по отношению к сказуемому, выраженному именем существительным: *tat qaj ašša tətypēnanty?* 'ты не шаман ли?' Такие случаи можно, по-видимому, рассматривать как дальнейшее ограничение употребления именных форм сказуемого.

Сюда же примыкают предложения с составным сказуемым из имени в форме предварительного падежа и личной формы вспомогательных глаголов *əsyqo* и *ēqo*, напр.: *torñak ātætqo əseča* 'тенок стал оленем'; *imaty üt šipatqo əsa, iraty səŋkætytqo əsa* 'жена водяной уткой стала, муж коршуном стал'; *soma āttytyl' qumatqo ēŋæšik!* 'хорошим караульщиком будь!'

Так же, как и в нганасанском языке, особый тип селькупского составного сказуемого представляет собой сказуемое, выраженное сочетанием личных форм вспомогательных глаголов с наречиями: *ātæty kun ēŋa?* 'где его олень (досл.: олень-его где есть)?'; *mälly kuntaqyt ēŋa* 'твой дом далеко (досл.: далеко есть)'

Характерные особенности именного сказуемого

Говоря об именном сказуемом в самодийских языках, необходимо отметить его отличительные особенности: сходство с глагольным сказуемым и отличие от последнего.

1. Именное сказуемое изменяется с помощью тех же показателей, что и глагольное. В этом легко убедиться, сличив между собой парадигмы глагольного и именного спряжения.

В ненецком и энецком языках совпадение личных формантов именного и глагольного сказуемого наиболее последовательно наблюдается у имен, относящихся по фонетическому строению своей основы к первому классу. У имен второго класса некоторые из личных показателей под влиянием гортанных смычных этих основ несколько фонетически видоизменяются (их начальные звуки оглушаются под влиянием одного гортанного смычного, оглушаются под влиянием другого).

2. У именного сказуемого так же, как и у глагольного, наблюдается противопоставление первых двух лиц третьему. Форма 3-го лица, собственно говоря, является неличной. В единственном числе у имен она внешне всегда совпадает с формой основы, у глаголов также с формой

основы, но лишь в тех случаях, когда основа оканчивается на гласный звук. В двойственном и множественном числе к этой форме присоединяются числовые показатели. В результате именное сказуемое в форме 3-го лица всегда совпадает с формой подлежащего, а в определенных случаях — и с формой качественного определения, а также прямого дополнения.

3. В связи с формами именного сказуемого личные местоимения употребляются чаще, чем в связи с формами глагольного. В именных конструкциях предложения субъект может в ряде случаев выражаться сочетанием двух способов: основного морфологического, при котором указание на субъект заключается в форме сказуемого, и дополнительного — синтаксического, с помощью которого достигается особое акцентирование действующего лица.

4. Именное сказуемое нередко выступает в предложении в сочетании с поясняющими словами. При этом наблюдаются два типа связи между сказуемым и относящимися к нему словами: согласованный и несогласованный. При первом согласование проводится не только в числе, но и в лице; напр., в ненецком языке: *mañ tēda' ŋarkadm' ħenečadm'* 'я теперь взрослый человек'; в нганасанском языке: *myŋ kälko'sənu'' ħagəŋ basutuŋ* 'ты хороший охотник нашего колхоза'.

5. Способ присоединения личных показателей при образовании форм именного сказуемого иной, чем глагольного, и подчиняется фонетическим закономерностям, действующим в том или ином языке. Так, в ненецком и энецком языках личные предикативные суффиксы, присоединяемые к именовым основам второго класса, претерпевают некоторые фонетические изменения по сравнению с теми же суффиксами, присоединяемыми к именовым основам первого класса.

В нганасанском языке у имен, имеющих две основы, одни из личных предикативных формантов присоединяются к первой основе, другие — ко второй. При этом у имен с основой на гласный личные суффиксы присоединяются непосредственно к основе, а у имен с основой на согласный — при помощи соединительного гласного *ə*.

В селькупском языке у имен, относящихся по фонетическому строению основы к первому классу, предикативные показатели прибавляются без участия соединительного гласного (у имен первого подкласса первого класса — к неизменной основе, у имен второго подкласса второго класса — к основе с измененным гласным). У имен, относящихся по фонетическому строению основы ко второму классу, присоединение предикативных формантов сопровождается явлениями ассимиляции или отпадением конечного согласного (см., напр., изменение по лицам слова *nætæk* 'девочка').

6. Имена в роли сказуемого не образуют ни форм видовой направленности, ни форм наклонений, не имеют они и формы будущего времени. Значения, отсутствующие по сравнению с глагольным сказуемым, восполняются в именном сказуемом при помощи вспомогательных глаголов. При этом участие вспомогательных глаголов при образовании форм именного сказуемого в энецком языке несколько шире, в нганасанском и особенно в селькупском — значительно шире, чем в ненецком. Так, в нганасанском языке при помощи личных форм вспомогательного глагола образуются не только формы будущего, но и формы прошедшего времени. В селькупском языке все именные части речи, кроме существительных, выполняя роль сказуемого, и в неопределенном времени могут выступать только в сочетании с личными формами вспомогательных глаголов.

7. Именное сказуемое во всех самодийских языках соединяется с подлежащим по тому же типу синтаксической связи, что и глагольное сказуемое. В обоих случаях наблюдается соответствие в лице и в числе между сказуемым, с одной стороны, и подлежащим, с другой.

*

Как можно заключить из изложенного, именное сказуемое имеет ряд общих черт с глагольным, но вместе с тем и отличается от него довольно существенно.

В плане генезиса предикативных форм имени показателем представляется материал ненецкого языка. Имеются известные данные для вывода о том, что в прошлом использование именного сказуемого в этом языке было менее ограниченным, чем это наблюдается в настоящее время.

В грамматике самодийских языков М. А. Кастрен⁴ неоднократно выдвигал положение о значительной близости в роли сказуемого именных и глагольных форм. Этот тезис он иллюстрировал преимущественно примерами из юракского (по нашей терминологии, ненецкого) языка. В частности, им было зарегистрировано употребление именного сказуемого в будущем времени: *saŋangum* (очевидно, *saŋangum*) 'я буду хорошим', *niseŋum* (очевидно, *niŋangum*) 'я буду отцом'.

Из других самодийских языков особенно показателен по интересующему нас вопросу материал селькупского языка, значительно продвинувшегося по сравнению с ненецким в области более четкой дифференциации отдельных языковых категорий. В селькупском языке, как это уже указывалось, употребление именного сказуемого сравнительно с ненецким значительно сужено. Именные сказуемые формы могут быть образованы только от существительного. При этом во всех случаях, когда требуется выразить тот или иной временной оттенок (не говоря уже о значении вида и наклонения), в селькупском языке временной показатель присоединяется не к именной основе, а к основе вспомогательного глагола. Что касается других именных частей речи, то они в селькупском языке во всех случаях могут выступать в функции сказуемого только в сочетании с личной формой глаголов *ēqo* 'быть' или *əyqo* 'стать', не будучи сами оформленными сказуемыми формантами.

В связи с изложенным закономерным представляется вывод о том, что по мере все более четкой разграниченности отдельных категорий слов происходит и большее ограничение в использовании именных предикативных форм.

*

Из финно-угорских языков по рассматриваемому вопросу к самодийским языкам наиболее близки мордовские.⁵

В плане типологических исследований заслуживает внимания то обстоятельство, что из соседних самодийским неродственных языков предикативные формы наречий имеются в кетском.⁶

⁴ М. А. Castrén, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg 1854.

⁵ См. М. Н. Коляденков, Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены, Саранск 1959, стр. 227 и сл.

⁶ А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск 1968, стр. 575.

N. M. TERESCHENKO (Leningrad)

THE NOMINAL PREDICATE IN SAMOYED LANGUAGES

In all the Samoyed languages the nominal predicate can be simple or compound. The simple predicate consists of one nominal form; the compound predicate contains a combination of a nominal form with some verbal form. Both types of the predicate are not equally common in different Samoyed languages.

In the Nenets language the nominal predicate is especially common. All nominals in this language have forms expressing person, number and even tense (indefinite and past). There is also some evidence testifying to a still wider use of the simple nominal predicate in the past.

In the Enets language the nominal predicative forms are less common. In some cases the simple nominal predicate in the Nenets language is paralleled by the compound nominal predicate in the Enets language.

In the Nganasan language predicative nominals are only used in the indefinite tense. Thus the Nganasan language is intermediate between Nenets and Enets on the one hand and the Selkup language on the other.

Contrary to the other Samoyed languages, the simple nominal predicate in Selkup can only be expressed by nouns in the indefinite tense.

The scope of the compound nominal predicate is exactly the opposite: it is most widely used in Selkup and comparatively limited in Nenets.

It follows from an analysis of Samoyed material that the stronger the differentiation of parts of speech, the more limited is the use of nominal predicative forms.